

СОВРЕМЕННЫЕ МЕГАТRENДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

© 2019 г. М. Лебедева

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, доктор политических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (mlebedeva@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 01.04.2019.

В статье обосновывается выделение трех мегатрендов мировой политики. Показывается, что такими мегатрендами являются: глобализация, интеграция и демократизация. Основываясь на идее С. Хантингтона о волнообразной природе политического развития на примере демократизации, автор предлагает применить ее к двум другим мегатрендам. Аргументируется, что альтернативным трендом глобализации является изоляционизм, интеграции – дезинтеграция, демократизации – де-демократизация. Проводится сопоставление мегатрендов с политической организацией мира, а также с циклами (фазами) мировой политики.

Ключевые слова: мегатренды мировой политики, глобализация, изоляционизм, интеграция, дезинтеграция, демократизация, де-демократизация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

ОСНОВНЫЕ МЕГАТRENДЫ: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ

Внимание к мегатрендам мировой политики как устойчивым, долгосрочным и охватывающим весь мир тенденциям развития обусловлено прежде всего попытками определить вектор и закономерности мирополитических изменений, а также выявить контуры политической организации мира в будущем, что важно с прогностической точки зрения.

Начало исследований мегатрендов было положено Дж. Нейсбитом [1], выделившим 10 мегатрендов, которые объединяются по трем основным параметрам: 1) научно-техническое развитие; 2) социально-психологические характеристики общества (опора на собственные силы); 3) изменения в США. В дальнейшем исследования мегатрендов, а также популяризация этих исследований получили довольно широкое распространение. При этом разные авторы и исследовательские центры выделяют различные мегатренды. Например, указывается на такие, как изменения в глобальной экономике, демография, урбанизация, новые технологии, изменение климата, недостаток ресурсов, электронная революция, урбанизация, изменения в обществе, конвергенция продукции и технологий и т.д. [2] В России в 2001 г. была опубликована книга под редакцией М. Ильина и В. Иноземцева [3], в которой основной акцент делался на процессах глобализации. Позднее появился учебник под редакцией Т. Шаклеиной и А. Байкова [4], в нем мегатренды рассматривались широко и включали в себя наряду с миграцией и развитием новых технологий такие проблемы, как лидерство государств на международной арене. Все эти исследования сыграли положительную роль в изучении и преподавании

мегатрендов. Тем не менее открытым остаются вопросы, какие именно тенденции политического развития мира можно к ним отнести? Что лежит в основе развития современных мегатрендов?

Вряд ли имеет смысл все тренды и глобальные изменения относить к мегатрендам. Поскольку речь идет о мировой политике, то кроме названных критериев устойчивости, глобальности (хотя их проявления могут быть различны в разных регионах мира) и долгосрочности следует выделить именно их мирополитический характер. В этом смысле научно-техническое развитие создает условия для мегатрендов, выступает условием и фоном для них, но само по себе мегатрендом мировой политики не является.

Некоторые авторы обращают внимание на то, что развитие сегодняшних мегатрендов связано с изменением мирового порядка [4]. Действительно, на их развитие повлиял распад биполярной системы. Однако это не единственное изменение в архитектонике современного мира, которое сказывается на мегатрендах. Представляется, что ситуация более сложная. Трансформация в политической организации мира в современных условиях протекает по крайней мере на трех уровнях: 1) Вестфальской системы; 2) системы межгосударственных отношений (изменение мирового порядка); 3) трансформаций политических систем целого ряда государств. Одновременное изменение на всех трех уровнях образует эффект синергии (“идеального шторма”) [5]. Весь этот комплекс изменений влияет на мегатренды.

В то же время политическое развитие, как и любое другое, претерпевает периоды цикличности. Эти периоды охватывают все континенты и аспек-

ты. В политической науке проблема цикличности неоднократно обсуждалась, в частности В. Пантиним и В. Лапкиным, которые предложили рассматривать политический процесс, основанный на кондратьевских волнах подъема и спада экономики [6; 7; 8]. На наш взгляд, цикличность имеет также более общий характер и в мировой политике представляет собой смену двух циклов (фаз): цикла эволюции (упорядочивания структур), когда новые структуры выстраиваются постепенно, и революционного цикла (фазы хаотизации) быстрых и качественных смен одних структур на другие. Обычно в период упорядочивания структур происходит подъем в развитии, а в фазы хаотизации — кризисы и спады. Эти циклы (фазы) охватывают глобальный мир и проявляются во всех сферах международных отношений и мировой политики на протяжении многовековой истории мирового развития [9].

Фаза упорядочивания (структуризации) мирового политического развития проявляется в создании различных формальных и неформальных структур — межправительственных организаций, межгосударственных “клубов”, коалиций, союзов, форумов, включающих государственные и негосударственные структуры. Первая четверть XXI столетия, в которой происходит становление нового технологического уклада, в значительной степени характеризуется внутренними и международными конфликтами, перестройкой мирового порядка [7], то есть проявлением фазы хаотизации, ломки существующих структур. Эта фаза прослеживается в таких процессах, как распад союзов и коалиций, биполярной системы международных отношений, очевидном несоблюдении международных норм, договоров и т.п., появлении новых феноменов, природа которых плохо согласуется с тем, что было ранее.

Обе фазы (циклы) мирополитического развития попадают в фокус внимания ведущих отечественных и зарубежных исследователей, хотя авторы, во-первых, используют различные термины для их описания, во-вторых, в большей степени сосредотачиваются либо на хаотизации (революционной фазе), либо, напротив, — на процессах упорядочивания развития (эволюционной фазе). Например, Р. Кохэйн и Дж. Най еще в 1972 г. сконцентрировались на анализе процессов, связанных с хаотизацией в рамках Вестфальской системы, обратив внимание на ее эрозию в связи с активизацией в количественном и качественном отношении негосударственных акторов [10]. Много исследований, посвященных распаду биполярной системы, в том числе в России. Так, В. Барановский видит основной системный вызов современным международным отношениям в изменениях конфигурации и баланса сил на глобальном и региональном уровнях, а также в отношении “центр—периферия”

[11]. В свою очередь Д. Лейк занялся изучением фазы упорядочивания политической организации мира начала XXI в., анализируя государства и их союзы. Он показал, как формируются региональные коалиции и как они функционируют в современном мире [12]. Очевидно, что список подобных исследований может быть значительно расширен.

Обе фазы развития — упорядочивания и хаотизации — на протяжении всей истории протекают совместно, но в тот или иной период одна из двух фаз оказывается особенно активной, при этом, что важно, не являясь единственной. Такая относительная активизация фазы носит долгосрочный характер в мирополитическом развитии [13]. Поэтому, несмотря на то что Дж. Най, Р. Кохэйн и Д. Лейк рассматривают один и тот же исторический период, связанный со второй половиной XX — началом XXI в., они обращают внимание на разные фазы.

В настоящее время, по всей видимости, происходит значительная активизация революционной фазы (хаотизации), поскольку трансформации подвергаются все три уровня политической организации мира. В этих условиях действуют мегатренды, в связи с чем они, хотя и являются долгосрочными тенденциями глобального развития мира, имеют ограниченное историческое действие. Мегатренды начинают свое основное развитие со второй половины XX в. (начало трансформации Вестфальской системы, формирование биполярной системы, формирование социалистического блока, крушение колониальной системы), хотя их корни могут уходить глубже в историю. Соответственно, можно предположить, что их действие ослабнет с окончанием трансформации (то есть с ослаблением цикла хаотизации) и формированием некоей относительно устойчивой конструкции политической организации мира.

Одним из дискуссионных вопросов остается вопрос о том, какие именно процессы можно отнести к мегатрендам. Наиболее часто в исследованиях в этом качестве выступает глобализация. Такое понимание глобализации содержится, например, в книге “Мегатренды мирового развития” [3]. Однако далеко не все исследователи согласны с этим. Так, авторы, ориентированные на реалистский подход, склонны рассматривать глобализацию как “постоянно идущий процесс международной экономической и технологической интеграции благодаря развитию транспорта и коммуникаций” [14, р. 15]. Фактически в реалистском ключе определяет глобализацию и Всемирный банк, подчеркивая, что “это усиливающаяся интеграция экономик и обществ во всем мире” [15]. При таком понимании современный этап глобализации теряет свою мирополитическую специфичность, а глобализация сводится к экономическому, техническому и технологическому развитию, что

выводит ее за скобки мировой политики. Разумеется, развитие экономики и технологий способствует глобализации, но не заменяет ее. Кроме того, в приведенных определениях глобализации она отождествляется с интеграцией. Более четко это сформулировал А. Олейнов, заявив, что для “экономистов глобализация – это процесс, прежде всего, связанный со становлением единой экономической системы, функционирующей по общим правилам” [16, с. 93], иными словами, с глобальной экономической интеграцией. Отождествление двух процессов – глобализации и интеграции вряд ли оправдано. Во-первых, интеграция в отличие от глобализации предполагает наличие межгосударственных соглашений. Во-вторых, интеграция имеет территориальные характеристики. Тем не менее глобализация и интеграция являются близкими процессами, влияющими друг на друга.

Глобализация подразумевает прозрачность границ (процесс транснационализации), что ведет к резкому возрастанию масштабов перемещения людей, вещей и идей через национальные границы [17, р. 577; 18, р. 2]. Во многом это стало возможным благодаря современному этапу НТР. Такой подход делает акцент на мирополитических изменениях современного мира. Поэтому в дальнейшем в тексте именно так будет пониматься глобализация.

Транспарентность границ способствует развитию интеграционных процессов, которые образуют второй мегатренд мировой политики. И если глобализация определяется в первую очередь трансформацией Вестфальской системы, то интеграция связана с процессами, происходящими на уровне системы межгосударственных отношений (мирового порядка).

Третий мегатренд – процесс демократизации мира. Он, в отличие от предыдущих двух, является менее очевидным. Тем не менее в историческом плане, согласно С. Хантингтону, происходит увеличение количества демократических государств в мире [19]. Этот процесс обусловлен прежде всего изменением политических систем отдельных государств. Кроме того, в результате формирования “прозрачности” национальных границ, ведущей к развитию процесса глобализации, в выработке и лоббировании мирополитических решений принимают участие множество акторов. В этом отношении демократизация оказалась под влиянием глобализации, открывшей границы, и интеграции, стимулирующей сотрудничество. В то же время демократизация не может быть сведена к этим двум мегатрендам, поскольку и увеличение в мире демократических государств, и сам факт участия в глобальном управлении различных акторов от них не зависят.

Таким образом, выделяется три основных мегатренда: глобализация, интеграция и демократи-

зация. Все три процесса связаны с политической организацией мира: глобализация – с ее Вестфальским уровнем; интеграция – с системой межгосударственных отношений, а демократизация – преимущественно с перестройкой политических систем отдельных государств. При этом глобализация является ведущим мегатрендом, поскольку в основе современной политической организации мира лежит Вестфальская система. Другие процессы являются производными от этих трех основных мегатрендов и выступают лишь в качестве трендов развития. Например, миграция обусловлена как интеграционными процессами (облегченное/свободное перемещение людей на территории интеграционного объединения), так и глобализацией (определенной “прозрачностью” границ, например, в случае с беженцами).

Очевидно, что наличие трех описанных мегатрендов мало соотносится с реальностью, и с утверждением об активизации фазы (цикла) хаотизации. Для того чтобы снять эти несоответствия следует воспользоваться идеей С. Хантингтона [19] о волнообразной природе политического развития. Анализируя процесс демократизации в мире, он показал, что за очередной волной демократизации следует ее откат. Та же закономерность развития присуща процессам глобализации и интеграции, то есть они имеют свои противоположные векторы развития: глобализация – изоляционизм (а не регионализацию или локализацию, как часто указывается); интеграция – дезинтеграцию; демократизация – развитие процессов де-демократизации. В целом происходит синусоидальное политическое развитие, но вектор синусоида направлен на первые из указанных мегатрендов: глобализацию, интеграцию, демократизацию. В то же время сегодня, когда активна фаза хаотизации, мир переживает спад по всем трем мегатрендам, то есть с очевидностью проявляются противоположные им тренды. При этом если глобализация и демократизация во многом спонтанные процессы, обусловленные логикой развития мира, то все противоположные тренды, а также интеграция – в значительной степени предполагают целенаправленную политику.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИЗОЛЯЦИОНИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРА

Процесс глобализации наиболее интенсивно обсуждался в конце XX и в самом начале XXI в. Снижение внимания к проблемам глобализации в последнее время обусловлено развитием фазы хаотизации и как реакции на него – активизацией тренда изоляционизма. Тем не менее по проблемам глобализации написано множество работ.

В данном случае, определив глобализацию как процесс транспарентности границ, необходимо привести ряд уточнений. Прежде всего, глобализация не обязательно ведет к унификации, что утверждается рядом авторов и даже находит отражение в учебной литературе [20], хотя некоторые модели унифицируются (это во многом касается деятельности бизнеса). При этом в каждом регионе и в каждой сфере глобализация имеет свою специфику [21]. Глобализация идет неравномерно в мире, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Немало работ посвящено тому, что через границы распространяются именно западные модели, идеи, принципы, то есть происходит процесс вестернизации или американизации. Такое понимание глобализации, в частности, характерно для представителей неомарксистского направления. И. Валлерстайн пишет, что в современную эпоху мир подошел к концу развития капиталистической мир-системы именно в силу распространения западных норм [22].

Близкой к неомарксистской точке зрения оказывается направление, которое исходит из того, что глобализация навязывается США и другими западными странами, то есть странами крупного капитала. Хотя представители этого направления не всегда отождествляют себя с неомарксизмом. Так, В. Иноземцев, возражая оппонентам, которые полагают, что глобализация обусловлена спонтанными, объективными процессами, связанными с современным уровнем развития экономики и технологий, указывает на несостоятельность их взглядов. По его словам, «то, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как “вестернизация”. Сам этот термин не нов: обозначаемое им явление характеризуется практически всеми теми признаками, которыми сегодня принято наделять глобализацию... Отличие заключено лишь в одном, но принципиальном моменте: у вестернизации есть субъект, и потому этот процесс не ведет к формированию “сетевого” общества, не утверждает равенства и братства, а создает мир, управляемый из единого центра на основе единых принципов» [23, с. 60].

Такая позиция имеет некие основания, если иметь в виду начало процесса глобализации, когда транснациональный капитал выходил за пределы национальных границ и, действительно, распространял и навязывал западные нормы. На нынешнем этапе ситуация оказывается намного сложнее. Во-первых, в мировой экономике происходят значительные изменения в пользу наукоемких сфер, когда “ключевым звеном инновационного процесса является создание и использование новых знаний и технологий” [24, с. 6] с использованием высококвалифицированных кадров [25], что ведет к иным от-

ношениям между государствами. К тому же экономическая активность Китая в современном мире плохо вписывается в представления о вестернизации. Во-вторых, глобализация не сводится сегодня только к экономике. В других сферах распространение часто получают незападные модели. Яркими примерами здесь являются кулинарная и ресторанный области, где восточные кухни становятся крайне популярными. В-третьих, целенаправленная экспансия Запада также вызывает сомнения. Нельзя отрицать наличия определенной политики государств, в частности западных государств, в реализации своих интересов. Однако было бы сильным упрощением представлять, что сегодня в условиях очень сложного мира может все подвергаться строгому контролю, в том числе и процесс глобализации.

В настоящее время глобализация сопровождается “гибридизацией” акторов, систем, явлений, то есть включением нехарактерных для нее элементов [5; 26]. Все чаще можно встретить гибридные образования государственных и негосударственных акторов, например, государств и НПО, а также государства и бизнеса. Гибридируется и политическая организация мира: в рамках современной Вестфальской системы оказывается множество довестфальских государств, ориентированных не на национальные интересы, а на родоплеменные связи и отношения. Система же международных отношений представляется довольно аморфной, где наряду с ведущими державами, значимое влияние, хотя и в деструктивном плане, начинают оказывать слабые государства. Все это ведет к усилению процессов хаотизации и развитию тенденций к изоляционизму.

Нередко противоположным трендом глобализации называют локализацию и регионализацию. В экономике локализация – процесс адаптации продукта к местным условиям, поэтому данный термин вряд ли можно рассматривать как альтернативу глобализации. С понятиями “регионализация” дела обстоят сложнее. Изначально термин “регионализация” использовался для обозначения процесса формирования региона в его географическом измерении. При этом процесс шел “сверху”, а именно как деятельность государств. В определенной степени это сближало регионализацию с процессами интеграции. В конце 1990-х годов обосновывается идея о формировании региона “снизу” при активном участии негосударственных акторов [27], что не позволяет рассматривать данный процесс в качестве классической интеграции. В то же время вряд ли регионализм является альтернативой глобализации, если понимать глобализацию как развитие транспарентности границ.

Термин “изоляционизм” также вызывает вопросы. Но они, скорее, носят ассоциативный характер и связываются часто с внешней полити-

кой США определенного исторического периода, которая предполагала своеобразное отстранение от вовлеченности в дела других государств и мира в целом. Тем не менее изоляционизм всегда подразумевает политику, направленную на то, чтобы сделать границы по возможности более “закрытыми” (по всем или по отдельным параметрам), воспрепятствовать феномену транснационализации.

Политика изоляционизма может реализовываться как на уровне национального государства, так и регионального объединения. Причины ее различны. Так, национальный бизнес, как правило, неоднороден. Часть отраслей – транснационализируется (в частности, это касается бизнеса в области новых технологий, финансов и т.п.), другая часть, напротив, ориентирована на национальный рынок. В результате государство, поддерживая национально-ориентированный бизнес, выстраивает барьеры с внешним миром. Это проявляется в целом ряде политических феноменов 2010-х годов. Достаточно назвать победу на выборах в США Д. Трампа с его идеями жестких ограничений мигрантов, отказа от Тихоокеанского партнерства, возведения стены на границе США с Мексикой и т.п. Изоляционизм наблюдается и в Европе в 2010-е годы, что выражается, например, в активизации крайне правых партий, требующих закрыть границы для въезда мигрантов, феномене Брекзита и т.д.

Изоляционистские тенденции сегодня проявляются довольно широко в различных регионах мира. Вместе с тем вряд ли можно утверждать, что они подавили процесс глобализации. Скорее, можно говорить о своеобразном откате от развития глобализации, которая была особенно четко выражена в конце XX в.

ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

Процессы европейской интеграции на протяжении всей второй половины XX века были в центре внимания исследователей. Несколько позднее развитие интеграционных процессов в других регионах мира побудило к проведению сравнительных исследований в области интеграции [28]. Факт поступательного развития интеграции в разных регионах мира позволяет определить ее в качестве мегатренда мировой политики.

Как и глобализация, понятие “интеграция” многозначно. В одних случаях оно подразумевает любое сближение государств, в других – создание наднациональных институтов, в-третьих – процесс постепенного развития от экономического взаимодействия до формирования институтов и механизмов тесного политического взаимодействия, в-четвертых – развитие региональных связей. Но всегда интеграция подразумевает наличие

межгосударственных соглашений и является целенаправленным процессом.

Интеграция в отличие от глобализации, будучи процессом межгосударственного взаимодействия, не предполагает особую активность негосударственных акторов. Хотя в рамках ЕС негосударственные акторы в настоящее время играют все более значимую роль. Не исключено, что это станет общей тенденцией, как следует из идеи формирования региона “снизу”. В процессах же глобализации негосударственные транснациональные акторы, напротив, по многим параметрам являются локомотивами их развития. Соответственно, они пристально изучаются при анализе процессов глобализации.

В XXI веке возникает феномен – трансрегиональная интеграция. Если “классическая” интеграция предполагала региональное взаимодействие государств, то трансрегиональная интеграция включает страны, которые находятся в разных регионах мира. Примером здесь может служить БРИКС, который объединяет государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Строго говоря, БРИКС пока сложно назвать интеграционным объединением. Тем не менее траектория его развития направлена в сторону экономической интеграции, а не просто координации действий в области экономики. Так, значимым фактом в этом плане стало решение о создании Банка развития стран БРИКС, который начал функционировать с 2015 г. и представляет собой некую параллельную структуру Всемирному банку для финансирования проектов стран БРИКС. Кроме того, в конце 2015 г. странами БРИКС был подписан Меморандум о Сетевом университете БРИКС, объединяющим ведущие вузы стран-участниц.

Создание Банка развития и Сетевого университета свидетельствует о формировании институтов стран БРИКС, что приближает данное объединение к интеграционному образованию. Региональные интеграционные образования также начинают взаимодействовать между собой и тем самым формировать транснациональные связи. Данное явление часто описывается как “интеррегионализм” [29]. В целом такие транснациональные (или интеррегиональные) отношения стали возможны во многом благодаря глобализации с ее научно-технической компонентой, которая и обеспечила во многом глобальное взаимодействие различных территориальных структур.

Интеграция имеет свою специфику в каждом из регионов мира. Несмотря на то что по интеграции, например на постсоветском пространстве, проведено немало исследований (их обзор представлен, в частности, в статье Е.И. Пивовара, А.В. Гущина и А.С. Левченкова [30]), почти не изученным оказываются исходные условия интеграции в срав-

нительном ракурсе. Вместе с тем пространство Советского Союза при значительном культурном разнообразии экономически, политически и идеологически было сильно интегрировано. Несмотря на это, процесс дезинтеграции прошел очень быстро. Создание СНГ было направлено как раз на сохранение интеграционного пространства, однако в полном смысле интеграция в рамках СНГ не была осуществлена. Условия интеграции на пространстве бывшего Советского Союза значительно отличались от тех, с которыми пришлось иметь дело европейцам после окончания Второй мировой войны. Во-первых, в отличие от Европы середины XX в., постсоветское пространство интегрировалось после дезинтеграции. Этот факт позволяет предположить, что фактором, усиливающим интеграцию, могла бы стать гуманитарная составляющая, включающая прежде всего науку и высшее образование. Но при создании интеграционных проектов на постсоветском пространстве на науку и образование ориентировались в последнюю очередь. Во-вторых, на постсоветском пространстве Россия объективно заняла некое “центральное”, ключевое положение, что было обусловлено географически, правопреемственностью СССР и рядом других причин. И это также создавало сложности в развитии интеграции, поскольку вызывало настороженность у других участников. В то же время в Европе при развитии интеграционных процессов не было государства, которое бы обладало столь значительно превосходящими остальных ресурсами и возможностями. В-третьих, обладание Россией огромными ресурсами сделало ее в значительной степени самодостаточной, что негативно могло восприниматься другими государствами и порождать подозрение в том, что РФ скорее заинтересована в оказании политического влияния на соседей, чем в реальном сотрудничестве. В-четвертых, важным фактором стали культурные, религиозные, экономические и другие различия между государствами, образовавшимися на территории бывшего СССР, чего в таких масштабах не было в Европе. В результате векторы развития этих государств оказались крайне разнообразными, порой диаметрально противоположными. В-пятых, важен и общий контекст мирового политического развития. Если в середине XX столетия, когда началась европейская интеграция, глобализация с ее трансграничностью только зарождалась, то в конце XX в. глобализационные процессы проявились очень отчетливо. Это породило определенную “разорванность” регионального пространства. Экономические, социальные и другие контакты государств постсоветского пространства стали сразу выходить на глобальный уровень, часто минуя процессы регионального взаимодействия и парал-

лельно усиливая тем самым центробежные силы постсоветского пространства.

Дезинтеграция – противоположный международной интеграции тренд, означающий распад существовавшего образования. Дезинтеграция, как и интеграция, относится к процессам, связанным с межгосударственными отношениями. В конце XX – начале XXI в. дезинтеграционных процессов было немало. Однако исследования по теоретическим проблемам дезинтеграции почти отсутствуют. Исключения составляют конкретные примеры мирной или вооруженной дезинтеграции стран, а также Брекзит.

Интеграционный мегатренд ведет преимущественно к упорядочиванию политической организации мира, в то время как противоположный тренд – к хаотизации. В этом отношении интеграция и дезинтеграция отличаются от глобализации и изоляционизма, поскольку в отношении последних двух нельзя с определенностью сказать, что именно способствует упорядочиванию, а что – хаотизации. Так, глобализация, с одной стороны, влечет за собой хаотизацию Вестфальской системы, с другой – выстраивание и упорядочивание сетевых связей. В свою очередь, изоляционизм представляет собой возвращение к национальному государству. Является ли это упорядочиванием или хаотизацией, однозначно сказать сложно.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ДЕ-ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Демократизация в качестве мегатренда вызывает наиболее интенсивные возражения и споры. Изначально демократия связывалась с государством и определялась как форма правления государства. Более того, по утверждению Х. Линца и А. Степана, “без государства никакая современная демократия невозможна” [31, с. 9]. Огромное количество работ по проблемам демократии и демократизации (переходам к демократии) проведено отечественными и зарубежными политологами и посвящено ее анализу на уровне государства.

Другое понимание демократизации связано с исследованиями С. Хантингтона. Он показал, что на протяжении истории наблюдались своеобразные волны демократизации: периоды, когда формировались демократические государства, и периоды, когда в некоторых из них происходил откат в сторону авторитаризма [19]. Согласно С. Хантингтону, по мере развития истории волны демократизации стали наблюдаться чаще и охватывают все большее число государств, несмотря на откаты. Именно в этом смысле демократизация может рассматриваться как мегатренд мирового развития. Ученый фактически продемонстрировал тот факт,

что демократизация является мегатрендом и действует на протяжении нескольких веков. Во второй половине XX в. интенсивность этого мегатренда усилилась, хотя спад (затухание) третьей волны демократизации в начале XXI в. придало силу противоположному тренду.

Возражения против демократизации в качестве мегатренда нередко вызваны реализацией США политики “демократизации” других стран. Однако подобная политика к мегатренду мирового развития отношения не имеет.

Кроме увеличения количества демократических государств в мире следует выделить еще два дополнительных параметра, указывающих на развитие данного тренда, которые анализируются на внутригосударственном уровне, но почему-то выпадают из поля зрения специалистов в области международных отношений.

Первый из них связан с тем, что демократия подразумевает участие многих субъектов в политических процессах, то есть полиархию [32]. Однако это понимание демократии относится к государству. Представляется, что оно может быть расширено до глобального уровня. В современном мире в процессы выработки и принятия решения вовлечены многие государства (значительно больше, чем это было в начале и даже в середине XX столетия), а также негосударственные акторы, деятельность которых в международных делах изучается обычно в связи с глобализацией. Действительно, транспарентность границ позволила им выйти на мировую арену. Однако они не просто вышли, но и стали активными субъектами выработки и принятия мирополитических решений, что и позволило называть их не только участниками, а акторами мировой политики. Очевидно, что далеко не все они в полной мере обладают признаками акторности и включены в процессы принятия мирополитических решений. Тем не менее примеров их влияния на мировую политику множество, причем они касаются самых разных негосударственных акторов: НПО (деятельность по запрету противопехотных мин), бизнеса (заключение Глобального договора, предусматривающего социальную ответственность бизнеса в глобальном масштабе), внутригосударственных регионов, СМИ и т.д.

Вторым важным дополнительным параметром мегатренда демократизации является развитие переговорных процессов в мире. Так, В.М. Сергеев определил демократию как переговорный процесс [33].

Начиная со второй половины XX в. наблюдается резкий всплеск количества переговоров по разным проблемам, разных форматов, межгосударственных, деловых и т.п. Хотя по отдельным направлениям сейчас отмечается снижение их числа, в целом переговорные процессы в мире продолжают развиваться. Следует подчеркнуть, что это не обязательно должны быть только межгосударственные переговоры. Это и бизнес-переговоры, и переговоры НПО и т.п. Большое распространение в конце XX – начале XXI в. получили многоуровневые переговоры, в которых участниками являются государства, а также другие акторы. Например, в обсуждениях на форумах по регулированию Интернета участвуют государства, межправительственные организации, представители бизнеса и гражданского общества.

Как и в случае с интеграцией глобализация оказывает влияние на процессы демократизации в силу “прозрачности” границ, ускоряя и усиливая демократизацию за счет быстрого и масштабного распространения демократических норм. Вместе с тем изоляционизм сдерживает ее в результате стремлений государств оградиться от внешнего влияния.

В качестве противоположного мегатренду демократизации выступает тренд де-демократизации. Понятие де-демократизации редко используется в мировой политике и международных отношениях. С. Хантингтон связал откатные волны с авторитаризмом. Однако это не совсем точно, поскольку варианты откатов могут быть разные, например, в архаизацию [34], распад государственности, которая приводит к формированию несостоявшихся государств.

Системы межгосударственных отношений также могут быть более или менее демократичными. Например, многоцентричная система межгосударственных отношений, по сравнению с биполярной системой и тем более однополярной, является более демократичной. Ограничения на участие в глобальном управлении негосударственных акторов вообще не имеют определенного термина, поскольку в каком-то явном виде эта тенденция пока не наблюдалась. В итоге единого понятия для обозначения альтернативного тренда демократизации не существует. Де-демократизация в этом случае представляется наиболее адекватным вариантом. В конце XX – начале XXI в. де-демократизация проявилась в угасании последней волны демократизации, унилатерализме США, сворачивании ряда переговорных процессов, в частности, в области разоружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Naisbitt J. *Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York, Warner Books, 1982. 290 p.
2. Singh S. *New Trends. Implications for our Future Lives*. London, Palgrave Macmillan, 2012. 278 p.
3. Ильин М.В., Иноземцев В.Л., ред. *Мегатренды мирового развития*. Москва, Экономика, 2001. 296 с. [Il'in M.V., Inozemtsev V.L., eds. *Megatrendy mirovogo razvitiya* [Megatrends of World Development]. Moscow, Ekonomika, 2001. 296 p.]

4. Шаклеина Т.А., Байков А.А., ред. *Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Учебник*. Москва, Аспект Пресс, 2013. 448 с. [Shakleina T.A., Baikov A.A., eds. *Megatrends: Osnovnyye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke. Uchebnik* [Megatrends: Basic Trajectories of Evolution of the World Order in the XXI Century. Textbook]. Moscow, Aspekt Press, 2013. 448 p.]
5. Лебедева М.М. “Идеальный шторм” как результат “гибридизации” мировой политики. *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений*. Под ред. Цыганкова П.А. Москва, Горячая линия – Телеком, 2017, сс. 97-111. [Lebedeva M.M. “Ideal’nyi shtorm” kak rezul’tat “gibridizatsii” mirovoi politiki [“The Perfect Storm” as the Result of “Hybridization” of World Politics]. *Gibridizatsiya mirovoi i vneshnei politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otноshenii* [Hybridization of world and foreign policy in the light of sociology of international relations]. Tsygankov P.A., ed. Moscow, Goryachaya linyaya – Telekom, 2017, pp. 97-111.]
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. *Полис. Политические исследования*, 1998, № 2, сс. 39-51. [Pantin V.I., Lapkin V.V. Volny politicheskoi modernizatsii v istorii Rossii. K obsuzhdeniyu gipotezy [Waves of Political Modernization in the History of Russia. To Discuss the Hypothesis]. *Polis. Political Studies*, 1998, no. 2, pp. 39-51.]
7. Пантин В.И. Циклы Кондратьева и перспективы мирового развития в первой половине XXI в. *Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности*. Под ред. Гринина Л.Е., Коротаева А.В., Бондаренко В.М. Москва, “Учитель”, 2017, сс. 212-221. [Pantin V.I. Tsikly Kondrat’eva i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XXI v. [Kondratyev’ Cycles and Prospects for World Development in the First Half of the 21st Century]. *N.D. Kondrat’ev: krizisy i prognozy v svete teorii dlinnykh voln. Vzglyad iz sovremennosti* [Kondratyev: Crises and Forecasts in the Light of the Theory of Long Waves. View from the Present]. Grinin L.E., Korotaev A.V., Bondarenko V.M., eds., Moscow, “Uchitel”, 2017, pp. 212-221.] Available at: https://inecon.org/docs/2017/Kondratjev_book_20170924-28.pdf (accessed 15.03.2019).
8. Умов (Пантин) В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис. Политические исследования*, 1992, № 4, сс. 51-63. [Umov (Pantin) V.I., Lapkin V.V. Kondrat’evskie tsikly i Rossiya: prognoz reform [Kondrat’ev’s Cycles and Russia: a Forecast of Reforms]. *Polis. Political Studies*, 1992, no. 4, pp. 51-63.]
9. Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. *Метаморфозы мировой политики*. Под ред. Лебедевой М.М. Москва, МГИМО (У), 2012, сс. 9-32. [Lebedeva M.M. Sovremennyye trendy mirovogo razvitiya: novoye kachestvo mira [Modern Trends of Global Development: a New Quality in the World]. *Metamorfozy mirovoi politiki* [The Metamorphosis of World Politics]. Lebedeva M.M. ed., Moscow, MGIMO (U), 2012, pp. 9-32.]
10. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 1971, vol. 25, no 3, pp. 329-349.
11. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте. *Пути к миру и безопасности*, 2017, № 1(52), сс. 55-63. [Baranovsky V.G. Izmeneniya v global’nom politicheskom landshafte [Changes in the Global Political Landscape]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2017, no. 1(52), pp. 55-63.] DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63 Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29777464_88819711.pdf (accessed 09.03.2019).
12. Lake D. *Hierarchy in International Relations*. Ithaca, Cornell University Press, 2009. 248 p.
13. Лебедева М.М. Система политической организации мира: “Идеальный шторм”. *Вестник МГИМО-Университета*, 2016, № 2, сс. 125-133. [Lebedeva M.M. Sistema politicheskoi organizatsii mira: “Ideal’nyi shtorm” [System of Political Organization of the World: “the Perfect Storm”]. *MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 2, pp. 125-133.]
14. Grieco J., Ikenberry G.J., Mastanduno M. *Introduction to International Relations*. New York, Palgrave Macmillan, 2015. 544 p.
15. *Материалы Всемирного банка*. [World Bank Materials (In Russ.)] Available at: <http://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (accessed 20.12.2018).
16. Олейнов А.Г. Экономическое будущее глобализации. *Вестник МГИМО-Университета*. 2018, № 4(61), сс. 92-106. [Oleinov A.G. Ekonomicheskoye budushcheye globalizatsii [The Economic Future of Globalization]. *MGIMO Review of International Relations*. 2018, no. 4(61), pp. 92-106.]
17. Mansbach R.W., Taylor K.L. *Introduction to Global Politics*. Second edition. New York, Routledge, 2012. 600 p.
18. Ritzer G. *Globalization. A Basic Text*. Malden (MA), Wiley-Blackwell, 2010. 592 p.
19. Huntington Samuel P. Democracy’s Third Wave. *The Journal of Democracy*, 1991, no. 2, pp. 12-34.
20. Глебов Г.И., Милаева О.В. *Современные международные отношения. Учебное пособие*. Пенза, Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с. [Glebov G.I., Milaeva O.V. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otноsheniya. Uchebnoye posobie* [Contemporary International Relations. Textbook]. Penza, Izd. Penz. gos. un-ta, 2010. 98 p.]
21. Berger P., Huntington S., eds. *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. New York, Oxford University Press, 2002. 374 p.
22. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. *International Sociology*, 2000, vol. 15(2), pp. 251-267.
23. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и “глобализация” как американизация. *Вопросы философии*, 2004, № 4, сс. 58-69. [Inozemtsev V.L. Vesternizatsiya kak globalizatsiya i “globalizatsiya” kak amerikanzatsiya [Westernization as Globalization and “Globalization” as Americanization]. *Voprosy filosofii*, 2004, no. 4, pp. 58-69.]
24. Иванова Н.И. Инновационная политика: теория и практика. *Мировая экономика и международные отношения*, 2016, т. 60, № 1, сс. 5-16. [Ivanova N.I. Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika [Innovation Policy: Theory and Practice]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otноsheniya*, 2016, vol. 60, no.1, pp. 5-16.]

25. Афонцев С.А. Мировая экономика в поисках новых моделей роста. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 2, сс. 3-12. [Afontsev S.A. *Mirovaya ekonomika v poiskakh novykh modelei rosta* [The World Economy in Search of New Growth Models]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 2, pp. 3-12.]
26. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Hybridization in the Era of Globalization. *Age of Globalization*, 2018, no 4. pp. 65-71.
27. Keating M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Cheltenham, Edward Elgar, 1998. 242 p.
28. Байков А.А. *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и тихоокеанской Азии*. Москва, Аспект Пресс, 2012. 350 с. [Baikov A.A. *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i tikhookeanskoi Azii* [Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Europe and Asia Pacific]. Moscow, Aspekt Press, 2012. 350 p.]
29. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. *Сравнительная политика*, 2016, т. 7, № 2(23), сс. 14-25. [Kuznetsov D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii [The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization]. *Sravnitel'naya politika*, 2016, vol. 7, no. 2(23), pp. 14-25.] DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2\(23\)-14-25](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25) Available at: http://www.intelros.ru/pdf/Sravnitel'naya_politika/2016_2/429-880-1-SM.pdf (accessed 02.03.2019).
30. Пивовар Е.И., Гушчин А.В., Левченко А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения. *Новый исторический вестник*, 2013, № 36 (2), сс. 43-55. [Pivovar E.I., Gushchin A.V., Levchenko A.S. Integratsiya na postsovetskom prostranstve: novyi vek – novye gorizonty izucheniya [Integration in the Post-Soviet Space: The New Century – New horizons of study]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2013, no. 36(2), pp. 43-55.] Available at: http://www.nivestnik.ru/2013_2/08.shtml (accessed 04.03.2019).
31. Линц Х., Степан А. “Государственность”, национализм и демократизация. *Полис. Политические исследования*, 1997, № 5, сс. 9-30. [Linz J., Stepan A. “Gosudarstvennost’”, natsionalizm i demokratizatsiya [“Statehood”, Nationalism and Democratization]. *Polis. Political Studies*, 1997, no. 5, pp. 9-30.]
32. *Политология*. Москва, Издательство Проспект, 2005. 618 с. [Politologiya. [Political Science]. Moscow, Izdatel'stvo Prospekt, 2005. 618 p.]
33. Сергеев В.М. *Демократия как переговорный процесс*. Москва, МОНФ, 1999. 147 с. [Sergeev V.M. *Demokratiya kak peregovornyi protsess* [Democracy as a Negotiation Process]. Moscow, MONF, 1999. 147 p.]
34. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий. *Полис. Политические исследования*, 2016, № 6, сс. 22-36. [Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinov'eva E.S., Koposova E.N. Arkhaizatsiya gosudarstva: rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii [Archaization of a State: the Role of Modern Information Technologies]. *Polis. Political Studies*, 2016, no. 6, pp. 22-36.] DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03>

MODERN MEGATRENDS OF WORLD POLITICS

(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 9, pp. 29-37)

Received 01.04.2019.

Marina M. LEBEDEVA (mmlebedeva@gmail.com),

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

The article substantiates the allocation of three megatrends of world politics. It is shown that these megatrends are: globalization, integration and democratization. Globalization is understood as transnationalization (transparency of national borders). Unlike globalization, integration implies inter-state agreements as well as a territorial dimension. In turn, democratization is defined as: 1) an increase in the number of democratic states in the world (the criterion proposed by S. Huntington); 2) an increase in the total number of states and non-state actors operating in the international arena; 3) an increase in the number of negotiating forums in the world. Based on S. Huntington's idea of the wave-like nature of political developments in the example of democratization, the author proposes its application in two other selected megatrends – integration and democratization. It is argued that an alternative trend of globalization is isolationism, integration/disintegration, democratization/de-democratization. At the same time, the vector of global political developments is directed towards globalization, integration and democratization. Megatrends are compared with the political organization of the world, in which three levels are distinguished: 1) the Westphalian system, 2) the system of interstate relations (change in the world order), 3) the political systems of states, many of which were transformed at the turn of the 20th–21st centuries. In addition, cycles in world politics are revealed, similar to the cycles of N. Kondrat'ev in the economy. It is shown that, since the modern world is in a state of change at all three levels of political organization, also regarding the intensification of the revolutionary phase of world politics, trends such as isolationism, disintegration and de-democratization are becoming significant now.

Keywords: megatrends of world politics, globalization, isolationism, integration, disintegration, democratization, de-democratization.

About author:

Marina M. LEBEDEVA, Doctor of Political Science, Professor, Head of World Politics Chair.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37